

К ДНЮ ПАМЯТИ ЖЕРТВ
ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ

Галина ГОРБУНОВА, почетный профессор кафедры русской классической филологии КарГУ им. Е. Букедова

Более двадцати пяти лет карагандинский журналист Екатерина Кузнецова посвятила изучению истории Карлага. Будучи автором множества работ о жертвах сталинских репрессий, она и сейчас продолжает следить их судьбы, оказывать помощь в поиске следов "упавших в эту бездну", восстановлению из забвения имен невинно осужденных на смерть и мучения в концентрационных лагерях Казахстана.

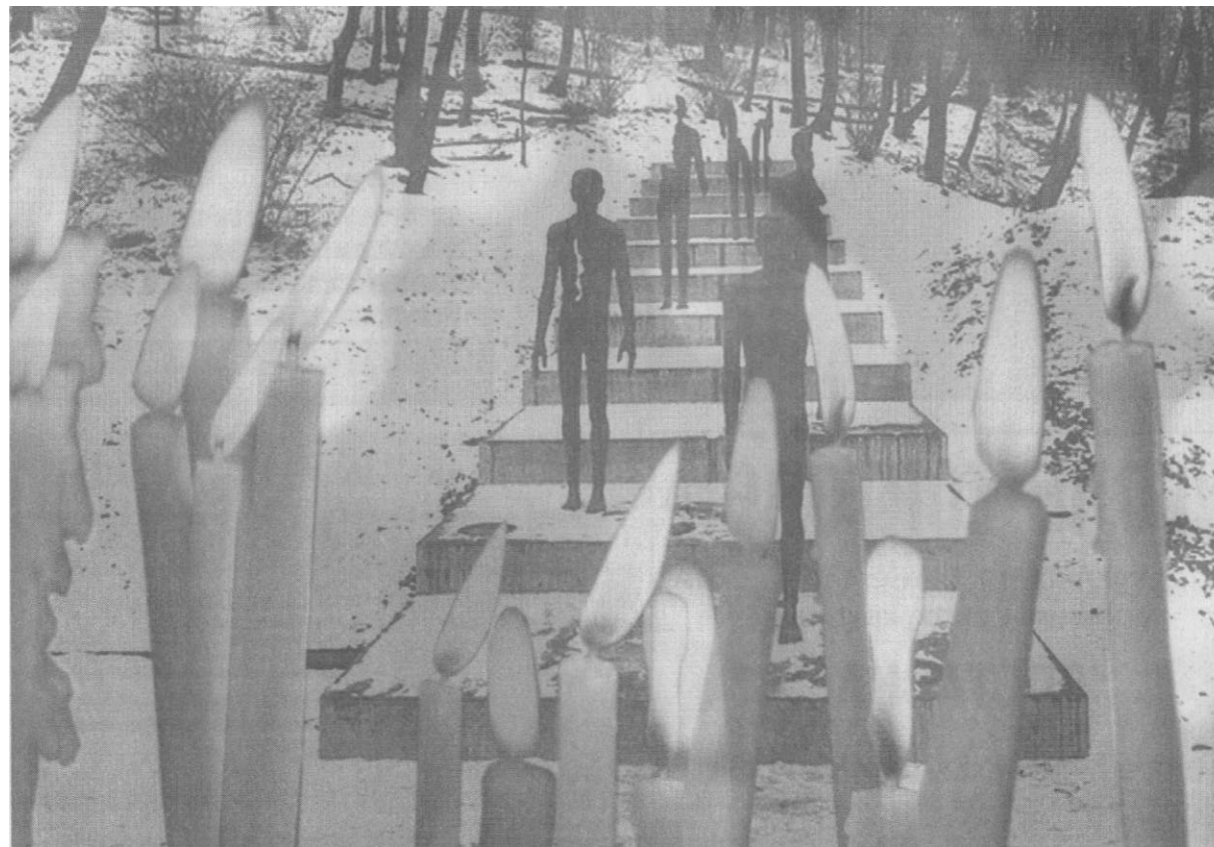
В недавно вышедшей в свет ее дилогии о Карлаге - "Карлаг: по обе стороны "колючки" и "Карлаг: меченые одной метой" (изд. "Lulu", США, 2010 г.) собраны многочисленные свидетельства тех, кто попал под "красное колесо" истории. Это не научный труд, а художественно-историческое исследование советской репрессивной системы, основанное на рассказах очевидцев и документах. Екатерина Кузнецова выступает не только в роли автора, но и собирателя историй, рассказанных множеством узников, а потому в книгах нет ученой сухости и беспристрастности.

Повествование в этой эпопее страдания строится так, чтобы заставить читателя воочию увидеть мучения заключенных и словно испытать их на себе, духом страха и смерти веет с каж-

Опять поминальный приблизился час

дой страницы. Кровью и слезами написанные, они рассказывают нам об ужасающих преступлениях. Самые страшные эпизоды в книгах не всегда хватает духу перечитать, безыскусные, без стилистических красот рассказы очевидцев рождают чувство апокалиптического ужаса, многие страницы воспринимаются показаниями на суде истории, показаниями о водворении ада на земле: "Их выводили утром, в шесть часов местного времени, в наручниках и с кляпом во рту. Приговоренных ставили на край ямы на колени и стреляли в затылок... Однажды зимой какие-то двое из отчаявшихся зеков совершили из Спасского лагеря побег, изначально обреченный на неудачу, конечно, они замерзли в степи. Потом их обледеневшие трупы, привязанные тросом к трактору, волокли по снегу вдоль зоны в назидание другим... Мне приходилось каждый день отвозить более ста трупов, сложенных на воз штабелями, на кладбище за зоной. Бывало, что по дороге к кладбищу из-под штабеля трупов вдруг раздавался слабый голос: "Начальник, я еще живой... - Ни.., сдохнешь, - вяло откликнулся шагающий за возом надзиратель. Перед тем как сбросить труп в могилу, надзиратель протыкал грудь в области сердца несколько раз штыком, а то обходилось и без этого..."

А каким действенным и результативным было содержание заключенных в постоянном недоедании! Голодом можно подчинить человека, весь мир покорить - его и вводили в систему. Об этой беспощадной, уничтожающей и обезчеловечивающей силе многие страницы книг: "Если бы сейчас кто это увидел, ужаснулся бы тому, как масса людей в сто человек бросалась на большущий котел на огне, хватая остатки горячей заварухи, оставшейся на стенках и на дне котла. Мяли друг друга, хватая

остатки голыми руками, а потом вылизывая свои руки..."

Читая книги Екатерины Кузнецовой, остро понимаешь, что гражданская война не закончилась в 1922 году, сороклет власть уничтожала свой народ. В документах Российского государственного архива, которые были опубликованы в 2005-2007 гг., сказано, что с 1932-го по 1957 год 20 миллионов в СССР сидели в лагерях, колониях и тюрьмах. Прибавьте сюда и 6 миллионов "кулаков" и спецпереселенцев. По другим источникам, жертвами репрессий стали 40 миллионов. В любом случае, статистика безлика: гибель одного человека - трагедия, миллионов - факт истории, не более. История человечества вообще пишется кровью...

Особого внимания заслуживают страницы, рассказывающие о том, какие потери понес казахский народ: более четверти коренного населения Казахстана вынуждено было покинуть родную землю, во время великого голода погибла третья часть оставшихся.

Автор приводит не одно свидетельство тех, кто убивал по плану и равнодушно: "Судил я хорошо. Претензий ко мне не было. Тогда ведь просто было. Закон что? Фикция, знаете ли. Просто фикция, и только. Главное было - не терять классового чутья". Вождей, теоретиков классовой борьбы нет на страницах дилогии: те, о ком повествуется, никогда не видели своих главных палачей. Страшна в своей безликости масса ис-

полнителей, воплощающая в жизнь кремлевскую идею строительства нового мира. Не случайно многие, повествуя о преступлениях советской власти, используют в своих рассказах предложения с отсутствующими подлежащими: объявили, сослали, раскулачили, согнали, подожгли, расстреляли.

Исполнители воли вождей не хотели знать, кого они держали за колючей проволокой и водили на расстрелы: "Не видел я здесь никаких ученых академиков, артистов и прочих. У меня присяга, автомат. Мне сказано - я делаю". На вопрос о том, как посчастливилось уцелеть, один из них ставит себе горький диагноз: "Боялся слово сказать. Так всю жизнь и промолчал со страху". Они тоже жертвы, пра-

вда, никакой статистикой не учтенные.

Дилогия о Карлаге - не только книга ужаса и скорби по погибшим ценностям человеческого духа, это также повествование о стойкости духа. Остро понимаешь евангельские строки: "и во тьме свет светит, и тьма не объяла его". В мире зла и насилия, бесправия и порабощения нелегко сохранить достоинство, в таких условиях часто теряется всяческое уважение к окружающим и к себе, способность видеть разницу между добром и злом, между подлостью и преданностью. Человек в беде становится либо гораздо лучше, либо гораздо хуже. Благодаря неискоренимой, безграничной вере в торжество жизни над смертью, необычайному трудолюбию и долготерпению многие выжили - человеческий дух выстоял и там, за колючей проволокой, несмотря на все методы и способы, придуманные, чтобы сломить его, искоренить дотла. "Вредители" строили дороги и дома, поднимали целинную степь, выращивали скот, в степях Казахстана возникли новые поселки, ветки железных дорог.

Выживание вряд ли могло быть возможным, если бы не помощь казахского народа, простых людей, не помышлявших о мировой революции, но умевших протянуть нуждающемуся кусок хлеба, замерзающего обогреть, дать приют. Многие из репрессированных по окончании срока вернулись на свою Родину - в Россию, Украину, Литву, Латвию... Для многих по разным причинам путь домой был закрыт, и они нашли приют на многострадальной земле Казахстана. Для многих родным домом стала Караганда. "Она была бедна, но добра. Бедна, но щедрна на тепло и равенство - русские и казахи, уйгуры и узбеки, греки и кавказцы, немцы, финны, поляки - кого только не

переплавил, не соединил этот шахтерский город в одну большую семью", - с благодарностью и гордостью за наш особенный город пишет автор.

Выжившие и увидевшие свет за пределами колючей проволоки давали подписку о неразглашении: система надежно берегла от неосторожного глаза и смелого слова. Легче и сейчас не думать о том, что это было в нашей, тогда еще общей стране, не задаваться вопросом, почему это вообще могло быть. Думаю, нам надо проникнуться чувством нераздельности с прошлым и глубоко - сердцем - понять, что у нас за плечами, а совсем не в отдаленном прошлом, общая трагедия, нас всех объединяющая. Вряд ли она, эта трагедия, позволит нам - казахам и русским, украинцам и татарам, литовцам, латышам, разделенным теперь государственными границами, - мыслить свое существование как совершенно отдельное. Память вообще - некая совершенно особенная, духовная сущность, это не моменты прошлого, а нечто общее и прошлому и настоящему, вопрос же исторической памяти - это вопрос нашего будущего.

Искренний тон повествования в книгах Екатерины Кузнецовой, прозрачный и сдержанный (делятся ли с автором воспоминаниями узники Карлага - пространство прослеженных в разной степени судеб многолико, или сам автор по крупицам восстанавливает историю жизни), зачастую сменяется глубоким внутренним током, идущей из глубины эманацией духа, безошибочно улавливаемой читателем. Спрятанная за внешней сдержанностью сила чувства делает эмоциональное воздействие горестного мученика неотразимым. Пропустив через сердце боль и страдания мучеников Карлага, автор своим трудом воздвигла памятник погибшим и выжившим.